

Танцы на улице Чехова

Если в последние годы случилось слышать о танцах в этом доме на улице Чехова, где играют свои спектакли Московский театр имени Ленинского комсомола, то вы попали, как правило, в мимий и обаятельный, но несколько «востановленный» мир. Принадлежавшая к «востановленным» шагнула здесь по жизни сценические герои. Едва только разделялся веселая пасека, как тут же сами собой рухнули ее прелести. Проблемы разрешались, не успев возникнуть. И, словно вахши, умело были восстанавливали на этом уютном и легком пути выходящие приветы наших дней: из образцов фиксировал взгляд юверности и багги. Ограничившись им, было легко и спокойно думать, что театр выдает свои герои столбовыми дорогами времени.

А для большей мобильности всегда негласно свой транспорт — «Колесо счастья». Так назывался один давний спектакль театра, где тенденции обогатили-танцевально-вопросителю жизни были выразима, быть может, наиболее концентрированно и точно. Он шёл долго, но и потом, когда, наконец, возрастал акт, все равно создавалось впечатление, что иные средства передвижения театр для себя не мыслит.

Творца обогатили-танцевально-вопросителю жизни, я, естественно, имею в виду не обязательно танцы, как таковые, — собственно танца может и не быть. Речь идет о куда более серьезном и существованно-и многогранно, стремлении театра уйти от ридунной к времени, преданно молодежи забывая шутку, смешной анекдот, а то и просто «взгляд и нечто» вместо ответов на острые, волнующие жизненные вопросы. А внешне все более или менее благополучно. Спектакли в современном издании Мут. Молодые в них действуют. Действую. Мир меняется — оптимистически настроены? Обществу!

В общамо то трудно возразить что-либо против желания иметь в репертуаре всевозможную, неприятательную комедию, такую, например, как «Спасный возраст» или даже «Чеховым с некейками», особенно если сделана она быстро и со вкусом. Но куда эта комедия идет вольно? Фриволь, тут же начинала незаметно касаться еще другие названия, когда театр, окрыленный легким успехом, и серьезные пыла превращал в развлекательные зрелища, которое рассчитано единственно на то, чтобы любимым средствами заставить зрителя побольше смеяться и поменьше думать. А что случается в конечном результате? Причастности к выделкам обогатились выделочным отношением к своему прямому делу — вести с молодежью разговор большой, партийный, мужественный, быть в чужом социальном, истинном, воспитательном.

Тенденция обогатили-танцевально-вопросителю жизни, укоренившись, дает результаты весьма разнообразные. В первую очередь — молодой драматург Захар Радзинский пришел в театр пьесу о студенте «Вам 22, старинка», вернув свою пьесу. Она подкупала искренностью, юношеской эристорией, свежестью взгляда на жизнь. Драматург размышлял о признании человека, о его праве занимать место в науке, о том, какое это трудное и не многого обогатившее право. Он отыскивал подлинно жизненные конфликты и пытался найти художественные решения, которые были бы им знамениты. Но не хватало опыта, мастера, и где-то со второй половины начинался скоророгорка, интереснейшие вопросы вдруг стали уходить в стандартные, шаблонные на говорящие ответы.

«А театр?» Театр словно бы обогатился тем, что драматург оставался на полпути, иде-то упустил главную свою мысль. Делать, видеть — не договил, что же мы можем сделать? Только вот что: дедич выдерживать в светлых тонах, абстрактно-радостное оформление, насытить до предела спектакль легкой музыкой, танцем — и все это будет неплохо смотреться, совсем неплохо! Театр поддерживал молодого драматурга не в том, в чем его следовало поддерживать, и выпустил спектакль, который оказался ниже потенциальных возможностей пьесы.

Не победившую пьесу заидеологизировать драматург И. Виттинера «Лучше — меньше — метаморфозы...» был приглашен Алексей Выгвалов. Театр выделял в его распоряжении талантливых молодых актеров. И вот вы смотрите спектакль и не можете не ощутить противоречий внутри коллектива, который над ним работал. Режиссер ревется в слезы, а актеры, кажется, и улыбки не переставая, поют своего лаванду, но то же самое, что боится уступить, ибо привычки демонстрировать свое мастерство на малом месте.

А когда, здесь, насколько добротно, настолько же и сухо, играют «Всприяденный», то нельзя не задать вопрос: а какие образы побудили театр взять именно за эту пьесу, именно этого великого драматурга? Тенденция танцевально-

обогатили-танцевально-вопросителю жизни на сей раз обернулась растерянностью перед большой и мудрой пьесой Островского. Чувствуя полную невозможность решать «всприяденный» привычными для него средствами, а иных средств не найдя, театр сделал единственное, что ему оставалось — он вынужден был. И естественный ход работы — постановка-иллюстрация к учебнику средней школы.

И почти в каждом спектакле, в большей или меньшей степени, — актерская разогорка, как результат того, что после феерически частой смены художественного руководства театр сегодня остался вовсе без павного режиссера...

Палки в «Колесе счастья»

Однако надо быть объективным. «Вам 22, старинка!», «Лучше остаться мертвым...», «Всприяденный...» Между прочим, спектакли последнего сезона. Пьесы, каждая из которых по-своему противостоит привычной манере театра.

Ни одна из трех пьес не вышла окончательно победительницей из этого единоборства. Вышло, что художественные догадки обосновались в театре вовсе не легкомысленно, напротив того, основательно, целю, что до конца искоренить его в силах только художественный руководитель с твердой рукой и активным, наступательным идейно-эстетическим принципом — он есть необходимый коллектив.

Все это так, но ведь не самым фактом единоборства нельзя не задуматься.

Театр последовательно, одну за другой ставил пьесы, которые заведомо невозможно играть в прежнем ключе. Репертуарную политику целого сезона вряд ли можно считать случайностью. А если не случайность — значит, определенные попытки найти себя в нем, более серьезно и ответственно удерживая качество, чем это было до сих пор. Кроме того, в последнем репертуаре театра есть и свои немалые приобретения.

«Вам 22, старинка!» — это как бы общий свод молодой театра. В него пришли участие десять человек — Г. Матвеева, М. Струнова, М. Державина, В. Корещик, Ю. Колчак, В. Богачев, В. Ларионов, А. Шурвалов, А. Покровский, Л. Каневский. И о каждом из них можно сказать, что он не случайно на этой сцене, что в его силах и возможностях поведать о молодом человеке нечто важное, выходящее.

Спектакль «Лучше остаться мертвым...» наглядно свидетельствует о том, насколько плодотворным может быть приход в этот театр режиссера с обостренным чувством гражданственности и неслепотой художественного видения мира. Эту пьесу о человеке, который только в сумасшедшем доме и нашел себе убежище от грязи, мерзости Западного мира, ставить было далеко не просто. Успех мог прийти только при безошибочно точном знании: что в советский художник, точно сказать советскому зрителю пьесой Виттинера.

Баталов, безусловно, принес это знание. Переиспавши едущий там, где его не признавали авторская эстетизированная, поднимая весь арсенал художественных средств последовательному раскрытию своего замысла. И создал гневный, горький спектакль, в котором, на жалее главного героя и не одобряя его пассивности, указал конкретные виновники этой страшной судьбы.

Что же касается «всприяденным», то в рамках полного отсутствия общей, объединяющей мысли вы видите несогласных мастеров старшего и среднего поколения, тен, как С. Гвацинтова, А. Вось, В. Всеволодов, К. Карнович-Валуа, видите и убеждаетесь, что это действительно мастера, которым по плечу задачи гораздо большие, чем просто подыгрывание своим молодым коллегам в наирезультативнейших выходящих из жизни юношества.

И вот, уже что. Прошлый, весна в общем неудачный, сезон театр завершил «Большим величием» И. Дворецкого. Суворов, немногословные рыбки заняли место условно-театральных мальчиков и девочек. Рыбки делали свое легкое дело, и веселому иловому Ваське Шенцу, выходящему из легкой, бездумной юности, пришлось убираться подобру-подорожу.

Этим спектаклем, темпераментно поставленным режиссером О. Ремизом, коллектив словно бы предлагал новые критерии в оценке его работы, решительно высказывал свое отношение и прямой выделочный танцевальной линии. Опыт нынешнего сезона говорит о том, что это было разультатом вольной зрелищ и основательности.

В общем, многое из того, что в самом последнем время делает театр, заслуживает добрых слов. Но тем необходимо сказать сегодня об очень существующем и принципиально важном, что пока еще отсутствует в жизни театра и без чего оно никогда не займет подобающего ему места в нашей театральной и общественной жизни.

Впрочем, этот упрек — не только в адрес Московского театра имени Ленинского комсомола.

250 и даже 500...

Речь идет о больших спектаклях героико-романтического звучания.

Вот, например, Ленинградский театр имени Ленинского комсомола. Здесь сейчас некое популярное спектакли «Перед ужином» В. Розова, «Как поживаешь, парень?» В. Пановой, «Американский футбол» П. Кантаны и Ж. Боллака.

Светлая и очень нужная мифология пьес Розова сыграна хорошо, но увлеченно, и это последнее искусство многие погоршности. Над пьесой Пенсов театр работал долго и трудно, стараясь поставить ее на прочную бытовую основу, просить многозначительную недоговорочность, мотивировать каким-то образом искусственное нагнетение прелести на пути главного героя. В спектакле есть по-настоящему сильные, волнующие сцены (как есть они, безусловно, и в пьесе), и все же из противоречий драматургии театра так и не удалось окончательно выбрать. Трудно поставить под сомнение общепитательные мотивы «Американского футбола», хотя художественно эта пьеса и не слишком значительна.

А где же поиск героического репертуара, без которого театр имени Ленинского комсомола существовать не может?

Приходится слышать: призывать легко, а вот как работать, если нет пьес, позволяющих создать такой репертуар?

Однако вот те не слышим отдаленные времена, когда Ленинградский театр имени Ленинского комсомола руководил Г. Токстогоню. Он вовсе не был извлечен от той сложности, на которые сегодня принято советов. Не хватало пьес — и режиссер, к примеру, возродил и жизни и жизнь эклады А. Корниченко, создав спектакль, исполненный высокой патетики. А инсценировка романа Чернышевского «Что делать?» в режиссерском прочтении Токстогоню да сих пор украшает афишу театра.

Московскому театру имени Ленинского комсомола тем более есть что вспомнить. Имена, названия много было бы перечислить довольно долго. И уж куда негляднее — Константин Симонов, почти все пьесы которого триумфально прошли на этой сцене. Да что жнит прошли, если пьеса «так и будет вые сыграна здесь недавно в пятисотый раз, если «Гарны из нашего города», поставленный год назад Евгением Симоновым на сцене Московского ТЮЗа, стал открытием для сегодняшней молодежи!

Ну, а пьесы последних лет?

«Два чехов» в «Современнике». Большая двухсот пятидесяти раз прошел этот блистательный спектакль, страстно призывающий к гражданской активности, а на него по-прежнему невозможно пробыть. «Рождество в Ленинграде», новая редакция пьесы Ольги Берггольц в Ленинградском театре имени В. Ф. Комиссаржевской — гимн комсомольцам города-героя, их мужеству и стойкости в страшные дни блокады. Пьесу о Кубе, даме еще на своем законченную, принес в театр имени Пушкина Георгий Мдивани, и буквально через месяц, ну, может, немножко более, в дни ХХII съезда партии, состоялась премьера всевозванного, патристического спектакля «День рождения Терезы». Романтика вышла на сцену Московского драматического театра, который образ себе верного союзника в лице молодого драматурга Юлию Эдлеса.

Героическое начало по-прежнему влечет неугомонного Николая Олупковича.

Удивительны и редкость различные мастера, обладающие резко непохожим индивидуальностью, находят себе место в общем русле художественного поиска романтики, героики нашей жизни.

Нельзя сказать, что сегодня в этом поле активно участвуют театры имени Ленинского комсомола. А ведь, если думать, кому, как не им, возлагать эту

К. ЩЕРБАКОВ.